

Я никогда не видела никого с таким выражением лица. На мгновение я встревожилась, схватившись за грудь и осторожно втянув воздух. Все, чего я хотела - это поскорее уйти от него, чем дальше, тем лучше... но тоскующий взгляд в его глазах был подобен проклятию перед моим взглядом. Хотя расстояние между нами было большим, я все еще могла смутно различать его слова, когда они долетали до моих ушей.

□ Я не могу вернуть ту жизнь, что была в те первые дни. Я уже упустил свою возможность. Почему даже сейчас мне никогда не дают шанса?□

Я тупо уставилась на него, прежде чем поднять руки, чтобы закрыть уши. В чем дело, неужели я была так голодна, что сейчас что-то слышала? Ошеломленная, я посмотрела на него. Он явно был далеко, и его губы даже не шевелились, но его голос отчетливо звучал рядом с моими ушами, убитый горем и удручающий...

За горем в моем сердце последовало онемение в конечностях, которое наполнило воздух. Сцена передо мной, казалось, изменилась, и я закрыла глаза. Когда я снова открыла их, на меня накатил еще одна волна головокружения. Мое тело не выдержало, и ноги подкосились передо мной. Я упала на землю, рукой пытаюсь дотянуться до чего-нибудь, но не находила ничего, за что можно было бы ухватиться. Туман наполнил мое зрение, когда я увидела его паническое, но беспомощное выражение.

Очень хорошо, даже у такого холодного и безрадостного человека, как он, бывали моменты волнения в сердце, очень хорошо...

Как оказалось, чувство голода могло вызвать у человека обморок. Перед моими глазами все потемнело.

Благоухающий аромат приветствовал меня, когда я пришла в сознание. На небе уже был вечер, когда я лежала на кровати, не чувствуя ничего, кроме голода. Все мое тело свернулось калачиком, пока я слегка вдыхала запах ароматных покрывал. Уже на пределе своих возможностей я приподняла ткань и начала жевать.

Дверь в комнату внезапно открылась, и Фан Хуа беспомощно появился рядом со мной, держа миску и глядя на меня. На его лице читалась измученная меланхолия, которая пронизывала его разум и тело. Выглядев холодным, как снег, он присел на корточки рядом со мной, словно умоляя, протянув руку с ложкой в мою сторону.

Я отключилась, при этом уголок покрывала все еще был у меня во рту.

Он тоже казался ошеломленным, но не засмеялся, а только тихо вытащил ткань у меня изо рта. Рука разгладила ткань, все еще влажную от моей слюны, его пальцы были тонкими и красивыми. Но ничто не могло смягчить его озабоченно сведенные брови...

"Глупышка, как ты могла бояться есть то, что я приготовил? Ты беспокоишься, что я что-то добавил внутрь? Как я могу отравить тебя?" - он снова взял ложку и зачерпнул немного риса.

Видя, что я не отвечаю, он забеспокоился. Опустив голову, он осторожно подул на ложку, его лицо побледнело, но на нем все еще была улыбка: "Будь умницей... Поешь немного".

Я тупо уставилась на него.

"Если ты не хочешь есть, я могу приготовить что-нибудь другое". - разочарованно сказал он. Но я схватила его в ответ, ударившись рукой о миску с рисом. Пахло восхитительно...

Поверх зерен белого риса была выложена целая рыба, покрытая густым сливочным соусом. Мясо и кровь были приготовлены до мягкости, а сверху были посыпаны маленькие кусочки зеленого лука.

Здесь явно было вкусное мясо, так почему же он сначала зачерпнул ложку риса? Кроме того, что за человек ел рыбу ложкой? Мое сердце смягчилось задолго до этого, но мне все еще хотелось придирается. Я медленно оттолкнулась, одной рукой потеряв укутанное мантией колено, когда я взглянула на его миску и мягко ответила: "Блюда из императорского дворца намного вкуснее".

"Мне жаль..."

Я хмыкнула через нос, неохотно забирая миску из его рук, прежде чем проглотить ее содержимое.

Он улыбнулся.

Смутившись, я взяла рыбью кость. Не видя поблизости палочек для еды, я отщипнула кусочек пальцами и посмотрела на него. "Я не могу столько съесть, хочешь немного?"

В результате он сделал, как его просили, и проглотил несколько кусков. Я отщипнула еще немного, и он съел, как и прежде, молча. Но эти изящные брови медленно сморщились, и лицо стало смертельно бледным. Поднявшись на ноги, он закрыл лицо рукавами, прежде чем выбежать на улицу, и его вырвало.

Потрясенная, я перевернула свои испачканные маслом руки, не уверенная, стоит ли их вытирать. Он действительно повернулся и одарил меня безмятежной улыбкой, слабо сказав: "Пожалуйста, не обращай на меня внимания, я просто не привык и не получаю удовольствия от употребления такой крепкой пищи. Там определенно нет яда... урк..."

Столкнувшись с этим, я потеряла дар речи.

Я опустила голову, чтобы изучить рыбу. Она была полна шипов и выглядела довольно некрасиво, но на вкус была свежей и нежной... с подобной едой здесь мне в любом случае не нужно было пить колодезную воду... действительно, это было радостное событие. Пока я наслаждалась своим счастьем, Фан Хуа испытывал исключительную печаль.

**

Вот так прошел день. Фан Хуа не спросил ни о моем имени, ни о моем происхождении, ни о том, почему я оказалась перед его домом, как будто я стала жертвой заговора. Он казался совершенно равнодушным, но в то же время хорошо знал обо мне все, брал на себя труд изо всех сил стараться и заботиться обо мне.

Это чувство было очень странным. Утром следующего дня я вынесла бамбуковое кресло-качалку на дорожку и уселась в него, заложив руки за голову и закрыв глаза, наслаждаясь ветром, который шелестел листьями бамбука, беззаботная и расслабленная.

Возможно, это было потому, что мои глаза были закрыты, так что все, что я могла видеть, была темнота, но мой слух был необычайно острым. В этом ветерке плыла мелодия... этот звук циня был мелодичным, подобным орошаемому водой нефриту, особенно приятным для слуха, как звуки природы.

Это тоже было очень знакомо...

Лежа в кресле, положив голову на руки, я некоторое время внимательно слушала с закрытыми глазами, выстукивая пальцем ритм... прежде чем не смогла удержаться от того, чтобы не подпевать. Казалось, что каждый звук и тон в этой песне были глубоко врезаны в мое сердце, как будто раньше они были частью меня самой.

Мои глаза распахнулись, зрачки стали кристально чистыми, когда я отправилась на поиски этой песни...

И все же внезапно я почувствовала, что кто-то пристально смотрит мне в спину. Встревоженная, я обернулась. Ветер продолжал дуть сквозь море бамбука, и листья деревьев подхватывало продолжительным вздыманием и волнами. Смутно я могла различить небольшой павильон в лесу. Бледно-фиолетовый силуэт сидел прямо, одетый в длинную мантию с широкими рукавами, и играл на цине.

Первые лучи утреннего солнца потоками проливали свое сияние на землю... его тело казалось покрытым слоем золотого света, а пальцы светились нежным светом.

Что за сцена.

Я приподняла свою мантию и наклонилась вперед, чтобы подбежать, раздвигая надоедливый бамбук, чтобы подглядеть за ним. Его голова была опущена, когда он играл с искренней преданностью, рядом с ним медленно нагревался маленький горшочек. В воздух поднимались медленные струйки легкого дыма, пропитанные слабым ароматом лекарств. Эти спокойные и собранные черты лица в сочетании с улыбающимися глазами соединялись с приподнятым ртом, когда он взмахивал руками, прикасаясь к струнам.

Внезапно музыка изменилась. Хотя мелодия осталась прежней, тональность была немного странной. Мои брови слегка нахмурились, застигнутые на мгновение оцепенением, когда я подобрала мантию и рукава, чтобы посмотреть на Фан Хуа, играющего на цине. Я сделала шаг вперед и наклонилась, чтобы прижать его руки к месту.

"Это неправильно".

Он улыбнулся мне, как будто давно ожидал, что я приду, изящно разжав пальцы, прежде чем сделать приглашающий жест. "Тогда, пожалуйста, обучи меня".

Я совсем не была вежливой, но села рядом с Фан Хуа, подняв на него брови. Вытянув руки, я несколько раз взмахнула рукавами, чтобы обнажить кисти, склонила голову, чтобы принять уступчивый вид, после чего вальяжно положила пальцы на струны.

Эх, как мне сыграть это?

Слегка прищурившись, я попыталась вспомнить.

Мои пальцы внезапно стали проворными, когда они начали двигаться. Попугай на его плече бросил на меня взгляд, полный любопытства, после чего поспешно отошел в угол, вращая глазами и уставившись на меня.

Я притворилась, что ничего не заметила.

Он смотрел на меня очень спокойно, распущенные волосы слегка развевались по его мантии. Несколько благоухающих прядей упали на мою щеку... это был неопиcуемый аромат, который был идентичен исходящему от его тела, как аромат цветов, смешанный с бамбуком, а также слабый запах лекарств.

Я не могла не потерять концентрацию. И все же, несмотря на то, что я думала о чем-то другом, а мои мысли витали по ветру, мои пальцы не переставали перебирать струны. Мелодия лилась, как родниковая вода, ликующая и жизнерадостная, но музыка была наполнена печалью.

Что происходило? Я слишком многого не понимала в воспоминаниях этого тела. Чем больше я играла эту песню, тем больнее мне становилось...

Понизив голос, чтобы подавить свое беспокойство, я легкомысленно ответила: "Я думаю, что это должно быть сыграно таким образом".

"Это так". - он улыбнулся, его глаза были мягкими и нежными. Он был очень близок ко мне... нет, должно быть, я бессознательно придвинулась к нему ближе, пока мое дыхание не коснулось его волос. Мое сердце бешено колотилось, когда я смотрела на него. Его взгляд, казалось, смотрел на меня с глубоким смыслом. Я последовала за направлением его взгляда, чтобы увидеть, что я прижалась к его талии, чтобы поиграть на цине.

Мое сердце бешено заколотилось, и я быстро убрала руки, сказав тихим голосом: "Прости, я была чрезмерна".

Он только улыбнулся, не говоря ни слова, и подвинулся ближе.

Запаниковав, я быстро встала, но так и не сориентировалась. Мое тело упало навзничь на что-то мягкое, когда он обнял меня и притянул ближе. Приняв позу дергающего за струну, он произнес ряд слов, которые прозвучали у моего уха подобно струящейся воде.

"Я выучил эту песню на слух. Потом я случайно встретил тебя... Я просто хотел изменить тяжелую печаль, которая раньше была частью этой мелодии".

Я посмотрела на него, удивленная и не убежденная: "Кто написал эту песню?"

Он прикоснулся к циню, выглядя немного одиноким: "Был человек, называвшийся Цзан Хуа, который играл эту песню каждый раз, когда появлялся в цзянху. Я слышал эту мелодию раньше только один раз."

"Твой враг?"

Он посмотрел на меня и рассмеялся, но ничего не ответил. Только кончик пальца зацепился за струну, когда он поднял руку, играя с одиноким выражением лица.

«Я спросил у мира, сколько же в нем печалей;

Ведь один-единственный вечер принес осень 8000-летнему нефриту.

Почему бы вместо этого не отправиться в далекие страны,

Или жить в цзянху безрассудно и необузданно,

Пока эта жизнь не закончится?

Бездельник выпивает флягу вина в одиночестве,

Оставляя позади огромные печали и радости,"

Он медленно посмотрел на меня и произнес последние две строчки очень тихо, так тихо, что их едва можно было слышать.

"...юность свободна, но весну трудно найти(1)".

Лекарство, должно быть, уже закипело, потому что пар поднялся так, что задребезжала крышка, на мгновение нарушив мою концентрацию. Я уставилась на его лицо, пока его слова пролетали мимо моих ушей, подобно ветру. Я не была уверена почему, но мой взгляд продолжал скользить к родинке в уголке его глаза. Прямо сейчас мое сердце болело, и я смягчилась от желания протянуть руку и... погладить ее.

Было ли это игрой воображения, или цвет этой каплевидной родинки действительно выглядел темнее, чем вчера?

Внезапно попугай сбоку начал поднимать шум. "Горячогорячогорячогорячо".

Я быстро убрала свою непослушную руку, опираясь ладонями о стол и оглядываясь. Комок зеленых перьев в данный момент хлопал крыльями и летал над крышкой горшочка с

лекарствами, комично и мило. Я не смогла удержаться от смеха, подняв глаза, чтобы увидеть нежный взгляд Фан Хуа, прежде чем поспешно отвести его глаза. Мои руки случайно потянулись к циню, пока я думала, что сказать.

"Юность свободна, но весну трудно найти... эти стихи очень необычны".

"Тебе нравятся изменения, которые я внес?"

Я бросила на него ошеломленный взгляд, но он все равно безмолвно улыбнулся, и выражение его глаз было чем-то, чего я не понимала. Некоторое время никто из нас не произносил ни слова. В павильоне было очень тихо.

Внезапно рядом со мной раздался беспомощный смех. Фан Хуа налил себе чашку чая, глядя на нее, пока пил. Прошло много времени, прежде чем он спросил: "Хорошо ли ты жила эти последние годы?"

Я моргнула, оглядываясь вокруг, прежде чем поняла, что он адресовал вопрос мне. Заслуживала ли любовница-третье колесо, чтобы ее спрашивали, хорошо ли она живет?! Этот парень, о чем он думал...

Он поднял голову, чтобы посмотреть на меня, его глаза были ясными, но их было трудно понять. Я могла только покорно сказать: "Я пережила тяжелую болезнь и забыла все, что было до моей жизни во дворце".

"Я знаю это, но Цзычуань запугивал тебя в те дни?"

Цзычуань?

Он на самом деле мог использовать запретное имя императора(2).

Мне с трудом удалось изобразить на лице вымученную улыбку. "Его Величество был очень внимателен к моим нуждам и не напускал на себя никакого высокомерия. Все, что я ела и употребляла, было вкусным..." - я оглядела наше окружение, подняв палец, чтобы подчеркнуть свою точку зрения: "Каждый день я пользовалась подушками из парчи с вышивкой в форме облаков и спала на мягкой кровати. Там были деликатесы и изысканная еда, названий которых я даже не знала, а у большого зала всегда дежурил экипаж."

Он слабо улыбнулся: "Вот как".

"Конечно! Разве господин Хуа также не оттуда? Ты, естественно, должен знать, насколько хорош дворец."

На фоне его цепкого лба эти тонкие брови сошлись вместе в выражении, которое вызывало у видевших это огорчение. Его ответ был легким и раздраженным: "У меня сложилось впечатление о пустых комнатах, жестких стульях и холодном чае. Разговоры были поверхностными, а лица слуг холодными. Я думал, что это место будет лучше, чем дворец, но я не ожидал, что он будет относиться к тебе настолько хорошо."

Должно быть, он говорил о Холодном Дворце...

Такой неземной, ученый вид у такого подобного Бессмертному человека, но почему он оказался в Холодном Дворце? И император мог позволить ему так страдать? Он смотрел на меня глазами, полными чего-то, чего я не понимала...

Я напряглась, когда поняла, что я была причиной всего, что с ним произошло.

"Вы с ним очень близки, не так ли? Он тебе нравится?" - спросил он чистым и бодрым голосом. Неожиданно мне показалось, что я сплю, настолько все было нереальным.

Я подумала о той ночи, когда служила императору в постели, и мое лицо покраснело. Хотя я поспешно отвела взгляд, я каким-то образом заметила руку Фан Хуа, крепко сжимающую его мантию, его пальцы при этом были совершенно белыми. Я бросила удивленный взгляд на его лицо. Выражение его лица было очень спокойным. Он только нежно смотрел на меня, словно бы очень хотел знать.

"Я не знаю... нравится он мне или нет. Но император на самом деле хорошо ко мне относится. Он знает мои предпочтения и любимые блюда и всегда души во мне не чаёт".

"Это так..."

Ветер шелестел листьями бамбука. Фан Хуа выглядел эмоционально тронутым.

Я медленно продолжила: "Он превосходный правитель и хороший муж".

После того, как ветер стих, несколько прядей волос упали мне на лицо, скрывая выражение моего лица, когда я опустила глаза, чтобы улыбнуться. Как и прежде, я говорила, не обращая никакого внимания на чувства Фан Хуа: "После того, как ты ушел, Его Величество не принимал никаких императорских наложниц. Сегодня девятый день десятого месяца, знает ли господин Хуа, какой сегодня день?"

Была только тишина и шум ветра. Бамбуковая роща растворилась в диком и нескончаемом танце.

"Какой сегодня день..." - в его ровном тоне чувствовалась едва заметная перемена в настроении.

"Изначально это должна была быть церемония присвоения мне титула, если бы меня заранее не выкрали из дворца".

Я оперлась на руки, медленно поворачиваясь, чтобы посмотреть на него. Хотя это был всего лишь мимолетный взгляд, мое сердце резко заколотилось от шока. Я не могла отвести взгляд. Каким-то образом, когда он встал, ветер начал развеивать его тонкие фиолетовые одежды. Холодная, скорбная улыбка и тревожное, печальное выражение лежали на его бровях. Эти глаза были подобны холодному лунному свету, опустошенные и печальные, когда они смотрели вдаль.

"Это на самом деле несправедливо, что ты здесь, рядом со мной, чтобы страдать". - беспомощно сказал он, в его ровном голосе слышалось эхо внутреннего беспорядка, как будто он изо всех сил пытался что-то подавить: "Я думаю, если бы Цзычуань знал, что ты пропала, он бы обязательно пришел тебя искать".

Я была в растерянности, не находя слов. На самом деле, я просто хотела испытать его, но он на самом деле был опечален. Каким было прошлое между Фан Хуа и Цзычуанем? Почему всякий раз, когда я видела выражение его лица, я заканчивала вот так...

Чувства нахлынули на мое сердце, боль вырвалась из его глубин. Я сделала невероятное усилие, чтобы опереться о стол, но потеряла силы стоять, вместо этого опустившись на колени. Мой нос задержался на густом запахе лекарственных растений, когда моя рука тихонько надавила на скрытую мантией грудь.

Это на самом деле было больно...

Слабая боль в моем сердце становилась все более сильной, как будто пытаюсь перехватить мое дыхание. Я нахмурила брови, чувствуя себя крайне неловко. Я заставила себя терпеть бурлящую ци и сопровождавшую ее острую боль, в то время как до моих ушей доносился шум ветра и шагов.

Внезапно пара рук протянулась, чтобы поддержать меня. Я почувствовала, как кто-то тянет меня вверх, и подняла голову, чтобы увидеть глаза Фан Хуа, чистые, как осенние воды. Его взгляд был сосредоточен, и рука протянулась, чтобы пощупать мой пульс. Я вздрогнула, почувствовав его тепло под своей рукой. Но как только я вспомнила слухи о дворце...

Я поспешно оттолкнула его: "Все в порядке, я в порядке".

Его тело выглядело чрезвычайно хрупким, и я чуть не столкнула его в горшок с лекарством и его отваром. Я не ожидала этого и смущенно протянула руку, чтобы помочь ему подняться. Но он только отвернулся, вернув себе обычное выражение лица, хотя и с намеком на холодность. Я быстро отдернула руку.

"Ты..." - он держался за стул, когда садился, одновременно беспомощный и немного сердитый: "Ты все такая же, как в те дни во дворце, всегда выбираешь идеальное время, чтобы задать мне приводящие в бешенство вопросы".

Когда он так посмотрел на меня, ко мне внезапно вернулся рассудок. Это было плохо, я спровоцировала его на его территории. Дворцовые слухи говорили, что он был очень искусен в медицинском искусстве и каким-то образом даже стал причиной смерти предыдущего императора. Именно из-за этого его изгнали в Холодный Дворец... могла ли я, тоже...

Я опустила голову и пощупала свою шею, дрожа от страха.

Он ничего не сказал, но налил еще чашку чая, и эти черные как смоль волосы, следуя его движениям, каскадом рассыпались по его плечам. Даже целой жизни не хватило бы, чтобы описать его настроение в тот момент, его руки слегка дрожали. Вода потекла тонкой струйкой, чашка наполнилась. Он заговорил после некоторого молчания.

"Может быть, ты забыла. В то время ты была чрезвычайно непослушной и изменила свою внешность, чтобы стать молодым юношей-служкой рядом со мной. Ты беспокоилась обо мне и поэтому творила, что тебе вздумается, и мне всегда приходилось иметь дело с последствиями."

Ах... правда? Я почесала в затылке.

"Но почему я скучаю по тем дням?" - безумный, слабый намек на печаль был на его чертах, когда он улыбнулся, очень довольной улыбкой.

Это затронуло струны моего сердца.

"Господин Хуа". - я нахмурила брови, положив руки на стол и обдумывая свои вопросы: "Были ли мы хозяином и слугой? Что именно тогда произошло?"

Зачем мне было покидать дворец? Как ему удалось тихо выскользнуть из Холодного Дворца, и почему император не принимал наложниц в течение пяти лет...? Той ночью, что произошло между ними?

Он посмотрел на меня, держа за руку с мягкой улыбкой: "Забудь об этом, все в порядке, пока у тебя все хорошо". - эти последние слова закончились вздохом, который растворился в воздухе, оставив приятное послевкусие, пока он размышлял: "Что было, то прошло, зачем мучить себя воспоминаниями?"

Я посмотрела ему в лицо, которое в данный момент ничего не выражало.

Что это было? Почему мне захотелось плакать, когда я увидела его спокойное, простое выражение лица? Почему я чувствовала нежелание смириться с его словами? Он больше ничего не говорил, слегка массируя мои руки в своих ладонях с улыбкой на губах. Он опустил голову, чтобы посмотреть на меня: "...здесь очень холодно".

Я уже подумала, что здесь немного прохладно. Не осмеливаясь взглянуть на него, я быстро отдернула руку и присела на корточки у котелка с лекарствами, наслаждаясь теплом его огня, когда запах лекарства заполнил мои ноздри. Я был сбита с толку, когда спросила его: "Это то лекарство, которое ты обычно пьешь?"

Он уже почти полностью выкипел. Заглянув внутрь, я увидела маленький черный предмет.

"Не трогай, я сам это сделаю". - он поспешно поднялся, опираясь на стол, подошел к горшку с лекарством и присел на корточки. В его руках была миска, в которую он налил немного коричневой воды. Я почувствовала, что в этом нет необходимости, но поспешно отступила в сторону, растерянно глядя ему в спину. Увидев, как он вот так склонился над землей, я почувствовала, как у меня внезапно защемило сердце.

Такой красивый человек, как он, не должен делать подобных вещей...

Его спина выглядела очень одинокой.

Я ничем не могла помочь, поэтому обошла его несколько раз, после чего снова села. Я очистила несколько орехов и бросила их попугаю, чтобы тот поклевал, но мои мысли были совсем не там. Медленно смотря на него, я увидела, что он использует рукав, чтобы держать маленькую миску, подходя ко мне. Выражение его лица было умиротворенным, хотя шаги были немного быстрыми. Горячая чаша с дымящейся коричневой водой была поставлена передо мной, после чего он быстро убрал руки.

Я прищурилась на него, но его лицо ничего не выражало. Его внешность была выдающейся, когда он сложил руки за спиной, холодным голосом безразлично сказав: "Это лекарство для

тебя, выпей его".

Я не была больна, так зачем же мне нужно было принимать лекарство?

Он поднял брови, но сохранил хорошее настроение.

"У тебя, должно быть, сохранились чувства к императору". - сказала я, мои слова были внезапными и удивительными.

Он никак не отреагировал.

Я улыбалась до тех пор, пока не почувствовала, что меня переполняет паника.

Если бы не их отношения и двусмысленные связи, зачем бы кому-то заманивать меня в ловушку... и бросать на пороге его дома? Держу пари, он был грозным человеком. Теперь, когда он оказался в таком неловком положении, он все еще мог так хорошо заботиться об императорской наложнице. Если это не было добротой от всего сердца, то это должен был быть какой-то трюк.

Все было в порядке, но он хотел, чтобы я принимала лекарства.

Видя, что я не двигаюсь, он слегка приоткрыл губы: "Твоя внутренняя энергия..."

"Не буду пить". - я отвернула свое лицо.

"Как пожелаешь. У меня нет права вмешиваться». - он повернулся и мягко позвал: "ШАОЭР, пойдем".

"Ифуифу... подожди меня... ифу..." попугай захлопал крыльями, приземляясь ему на плечи. Он одарил меня красивой улыбкой, игнорируя меня, и протянул руку, чтобы скопировать мою манеру дразнить попугая, уходя прочь...

Я стояла, ошеломленная. На мгновение я неправильно расслышала, что его ШАОЭР (Shào'er)- это ШАОЭР (Shao'er). Прислонившись к павильону, я посмотрела в его сторону. В глубине бамбукового леса на ветру резво колыхалось фиолетовое пятно. Я смутно видела, как он быстро переместил руку сбоку вперед, опустив голову и отчаянно втягивая воздух.

Мне вдруг показалось это странным, и я подняла голову, чтобы изучить его силуэт, в то время как моя рука нащупывала миску с лекарством. Одно прикосновение... и я снова отстранилась. Проклятье, это было не просто горячо, но и невыносимо обжигающе. Неудивительно, что он шел так быстро.

Мои губы растянулись в улыбке.

Этот человек казался спокойным и невозмутимым, но все это было просто притворством. Ради кого он пошел на все, чтобы сохранить свой имидж...? Я облегченно вздохнула, когда увидела, как его фигура исчезла в лесу, оставив в павильоне только меня. Уставившись на чашу с дымящейся коричневой водой, я нахмурила брови и принялась на пробу. Это было очень ароматно...

Пахло лекарственными растениями, но все равно было странно, как будто он добавил много

чего, чего я не знала... Как странно, в этой миске не было лекарства, с которым я была знакома, а жидкость была прозрачной, янтарно-коричневой... Я расплескала ее по кругу и не обнаружила внутри ни капли лекарства.

Что он дал мне пить? Только что он упомянул о внутренней энергии? Я не культивировала. Даже если бы я это делала, это осталось в прошлом, но что, если я уже восстановила это? Я никого не обидела во дворце, но все равно столкнулась с несчастьем. Всегда находились люди, думающие о том, как навредить мне. Что касается него... было слишком много мыслей, в которые я не могла проникнуть.

По сравнению с возможностью быть убитой, существовала беспочвенная возможность восстановления навыков боевых искусств. Я наклонила голову, уставившись на миску. Моя рука скользящими пальцами коснулась циня на столе... проводя по струнам, чтобы услышать его четкие ноты. Протянув руку, я взяла чашу с лекарством... и вылила отвар на бамбук.

Я бы предпочла не пить незнакомые напитки. Это был основной принцип выживания. Император учил меня этому с самого начала, но, к сожалению, я не приняла это близко к сердцу.

Прямо сейчас единственным человеком, на которого я могла положиться, была я сама.

(1) fanghua jinfang, shaohua nanqiu (方花锦旗) - молодость свободна, но весну трудно найти. Другое скрытое значение, Фан Хуа = "молодость", Шао Хуа = "великолепная весна". Когда песня поется с учетом этих слов, посторонние не подумают, что это имена людей, а не простые существительные.

(2) minghui (明讳) - минхуэй, запретное имя. В Древнем Китае было запрещено говорить, писать или называть имена высокопоставленных лиц.

<http://tl.rulate.ru/book/80096/2733080>